

Текст · 31 мая 2021, 12:46

Александр Бородихин,

«Не ошибка, а запланированный процесс». Жена хабаровского граффитиста — о его уголовном деле

11 мая силовики пришли с обыском к хабаровскому художнику-граффитисту Максиму Смольникову, известному под псевдонимом *Xadad*. Задержание художника по времени совпало с нападением на школу в Казани, поэтому в новостном потоке это сообщение затерялось. На следующий день Смольникова поместили в СИЗО, где он находится до сих пор.

Силовики считают, что Смольников занимался оправданием терроризма — из-за поста об «отчаянном поступке» студента-анархиста Михаила Жлобицкого. Смольников связывал действия Жлобицкого с политическими репрессиями и пытками заключенных и нигде не высказывался о взрыве одобрительно — но следствие сочло толкование мотивов Жлобицкого достаточным для возбуждения дела.

«Медиазона» поговорила с женой художника Светланой Гордиенко и приводит ее рассказ о муже и его уголовном деле.

Обыск

Вернулись из отпуска, прошли майские праздники, и в первый рабочий день к нам ворвались утром — без десяти семь утра. Жуткий стук, я просыпаюсь и не понимаю: думаю, пьяный сосед. Бегу открывать,

там говорят: «Срочно откройте, полиция, по делу Смольникова». Я говорю: «Можно штаны надеть?». В этот момент они начинают ломать дверь — у них были гигантские гвоздодеры, это нам потом соседи докладывали.

Пришли 11 человек: трое омоновцев, двое понятых, два следователя, два опера, один специалист ФСБ — они, видимо, всех фээсбэшников специалистами называют — и какая-то безымянная девушка, про которую говорили, что она помощница следователя.

Был такой неприятный момент: у меня был в руке телефон, и я хотела вызвать адвокатов, а они не разрешали сделать звонок с собственного телефона. Говорят: «Диктуй номер», мне нужно было посмотреть его в своем телефоне. Я смотрю, держу его в руке, а у меня его начинает выламывать из руки омоновец.

Так они забрали компьютер Макса, мой ноутбук, его телефон, мой телефон и еще старый ноутбук, на котором преимущественно дети играли или смотрели ютуб. Там оказалась открыта учетка Макса в *Gmail*: они сели и начали смотреть, какие он лайкнул видео на ютубе, и в протокол допроса стали вносить «лайк на видео Александра Шубина про национализм». Это, конечно, такая тупость, Шубин — историк, доктор наук, что такого в этом.

Утром 31 октября 2018 года в здание управления ФСБ по Архангельской области вошел студент-анархист Михаил Жлобицкий, который

привел в действие взрывное устройство и погиб. Пострадали трое сотрудников ведомства. После этого по стране прокатилась волна обысков у тех, кто хоть как-то положительно отзывался в соцсетях о поступке Жлобицкого — и, судя по всему, она не иссякла до сих пор.

Дело Смольникова стало 25-м из известных [случаев преследования](#) пользователей соцсетей, которые в своих постах «оправдывали терроризм».

Единой практики по таким делам нет: часть обвиняемых получает штрафы, часть — реальные сроки. Так, журналистку из Пскова Светлану Прокопьеву, которая [рассуждала](#) на радио о мотивах бомбиста, [оштрафовали](#) на 500 тысяч рублей, многодетного отца из Коряжмы [Олега Немцева](#), жительницу Калининграда [Людмилу Стеч](#) и 53-летнего [омича](#) — на 350 тысяч, калининградского анархиста [Вячеслава Лукичева](#) — на 300 тысяч.

Дело пермяка Романа Субботина [прекратили](#), поскольку фраза «Героя России нужно дать» «не свидетельствует о публичном призыве к осуществлению террористической деятельности, публичному оправданию терроризма или пропаганде терроризма».

При этом за практически идентичный комментарий вологжанину Сергею Арбузову дали [пять лет](#) колонии строгого режима. Иван Любшин из Калуги, в прошлом оштрафованный по делу об экстремизме и реабилитации нацизма, за комментарий про взрыв в архангельском ФСБ также [получил](#) пять лет колонии, но общего режима. Кубанец Валерий Клименченко получил

четыре года КОЛОНИИ по статьям об оправдании терроризма и оскорблении полицейских.

Макс не стал в свой компьютер заходить, а я в ноутбук зашла, и они туда залезли радостно. Мой ноутбук тоже я сама включила — но я не очень понимала, как надо и как не надо себя вести. Пароли они, по-моему, не записали — я набирала их сама на компьютерах, они при нас посмотрели, сфотографировали. На моем личном ноутбуке открыли телеграм, очень тоже обрадовались, нашли там канал *Xadad*, сфотали номер телефона — как я сейчас догадываюсь, они сейчас собирали связку, что Максим Смольников — это и есть *Xadad*.

Мне до сих пор страшно, потому что их было 11 человек в квартире, и они никогда не находились одновременно все в одном месте. И что тут квартире напихано после этого обыска, я до сих пор не могу понять. Продолжался обыск часа четыре, не меньше. После этого Максима увезли на допрос, и [мы не виделись].

«Они всех начали шуршать»

Впервые к Максиму пришли в апреле 2019 года, мы только месяц как начали встречаться. Помню, это было очень странно, когда он вдруг пропал на целый день и потом вернулся какой-то очень испуганный.

Выяснилось, что его возили в Следственный комитет на допрос — это, наверное, процессуально «дача объяснений». Забирали телефон, лазили в его телефоне, брали какие-то объяснения по поводу

его поста. Он говорил, что осуждает этот акт Жлобицкого.



Максим Смольников в суде. Фото: Екатерина Ищенко / [@sotavision](#)

Наш адвокат сказал, что протокол этого допроса найден и прикреплен к какому-то делу самого Жлобицкого: я так понимаю, что это что-то типа большого расследования, которое вели следователи по всей России в разных регионах — они искали всех, кто выражает какие-то анархические взгляды или делает репосты из каких-то определенных пабликов, они всех начали шуршать.

После этого долгое время ничего не было.

Предпоследний тревожный звоночек был, если я не ошибаюсь, 24 февраля: на работу Максу принесли повестку, где было написано, что его вызывают в Центр «Э» на допрос по делу Жлобицкого. Макс как-то испугался, насторожился, и мы сразу связались с адвокатом. Его вызывали к 9 утра, а у адвоката с утра был суд, и он позвонил следователю и предупредил, что они придут к обеду, в 2 часа. Они просидели в коридоре часа полтора, следователь или опер,

который Макса вызывал, ходил мимо них, а потом сказал: «Все, мне не до вас, потом».

В начале апреля мы с Максом уехали на целый месяц в отпуск, путешествовали по центральной России, а после майских к нам пришли.

Суд

Чем аргументирует следствие, что его нужно держать в СИЗО: у Макса нет собственности в Хабаровске, нет регистрации и «сдерживающих социальных связей». Мы с ним не расписаны, и они его как бездомного воспринимают.

Мы к суду по избранию меры пресечения подготовили соглашение, подписанное собственником квартиры, моей мамой, что она разрешает проживать, сколько нужно. Меня и мою маму оставили за дверьми, потому что адвокаты хотели нас вызвать в качестве свидетелей, но что на первом суде, что на апелляции нас почему-то наотрез отказались вызывать, а мы прям сидели у двери. Сегодня мне адвокат говорил, что он вообще не понимает, почему судья отказывается допрашивать: вот свидетель сидит у зала. А судья начал требовать «протокол допроса»: [защита должна] допросить и приложить к материалам дела.

Было много надежд на апелляцию, но она шокирующее впечатление произвела: защита объясняет, приводит аргументы, зачитывает то-се, пятое-десятое, Макс что-то говорит — и встает прокурор, зачитывает текст по бумажке, где только

цифры, все время делает ошибки в фамилии Макса (Смолькин, что ли, она его называла).

Видно, что кого-то пригнали, мол, иди-читай, а следователь даже не пришел на суд. Непонятный бубнеж, без вопросов без споров со стороны обвинения, а судья уходит на пять минут и оставляет меру пресечения без изменения. Это когда ты видишь, [понимаешь,] что происходит не ошибка на каком-то этапе, что это прям запланированный процесс, который будут вот так вести. Ты стоишь перед человеком, что-то ему говоришь, а его способ — делать вид, что тебя здесь нету, смотреть сквозь тебя.

Xadad

Макс рисовал всю жизнь, с детства, но именно на улицу он решил выйти чуть ли не в 30 лет, какой-то такой он сделал для себя смелый шаг. Сейчас ему 37, но я слышала историю, что раньше он был членом молодежной части КПРФ — в студенчестве, в Комсомольске-на-Амуре они ходили на митинги, готовили какие-то плакаты, то есть он в общественно-социальную повестку сам себя включал всегда, для него это важные вещи.

В Хабаровск он приехал то ли в 14-м, то ли в 15-м году. Оригинально он уроженец села Мариинский Рейд-^[1] — такое очень отдаленное поселение на разливе нижнего Амура, он из какой-то простой фермерской семьи. У него есть две сестры, мама-папа: они сейчас там живут, младшая сестра живет в Комсомольске, старшая сестра в Хабаровске, она вот тут со мной через все это проходит.

Честно говоря, я думаю, что жизнь в северном дальневосточном селе как бы заставляет задуматься о многих вещах. Похоже, это какая-то такая для него очень конгруэнтная^[2] и давняя вещь — его заинтересованность общественно-политическими, социальными проблемами.

Embed Wrapper Not Realised

Embed Wrapper Not Realised

Embed Comment Not Realised

Если говорить о человеческих ценностях, то ценности современного анархизма, постанархизма ему наиболее близки, потому что они подразумевают человека автономного, самостоятельного, умеющего создавать свои малые связи, находить солидарных людей и что-то производить в этом мире, не будучи зависимым от государства.

Его граффити превращались в какой-то культурный код на Дальнем Востоке: когда начали появляться эти рисунки, с ними начали фотографироваться, кто-то просто коллекционирует у себя рисунки *Xadad*. Проблем с полицией Макс, наверное, не получал, потому что он никогда не рисовал на зданиях, в каких-то местах запрещенных — он рисовал обычно на гаражах или на стенах заброшенных зданий.

Он всегда работал днем, общался с людьми, которые подходят к нему и разговаривают. Чаще он встречался с какой-то благодарностью от хозяев гаражей, его просили: «А разрисуй еще», «А разрисуй там», «Давай я тебе куплю краску».

Местный телеканал «Губерния» делал про него репортаж, у них лежит на сайте что-то про «хабаровского Бэнкси» — все друзья после этого над ним подшучивали.

Что нужно понимать про Макса — и, видимо, это как-то связано с его семьей — там все достаточно независимо мыслящие, но при этом очень любящие друг друга люди. Такого, чтобы высказывали Макс по поводу рисунков, не было. Плюс нужно понимать, что рисунки Макса — это иллюстрации текущей повестки: что-то где-то в мире происходит, и Макс этот сюжет обрабатывает, как в газетах раньше не было фотографий и рисовали рисунки.

Я, честно говоря, не очень глубоко ориентируюсь в этой повестке — Макс ее в мою жизнь привнес. Мы дома, конечно, говорили о том, что происходит, но меня больше интересует ракурс законотворческий, я слежу за тем, что наши депутаты делают, как ведет себя наша администрация. А Макс рассказывал мне про какие-то другие [вещи], про того же Сутугу-, про пытки, как ведут себя силовики, про то, что происходит в мире преследований уже. Пока мы не были знакомы, я не очень в это включалась — в это тяжело включаться.

Макс работает в региональном центре оценки качества образования, который занимается организацией ЕГЭ и ОГЭ. Это казенное учреждение, работает он там давно — по-моему, с 15-го года у него трудовой договор. Этот договор зачитывали в суде, то есть очень стабильно. Он начальник отдела технического обеспечения, то есть это как

сисадминская работа, так и сопровождение всех этих процессов, сдачи экзаменов. Его, получается, схватили как раз, когда у них там уволилось несколько человек из отдела, а на подходе ОГЭ и ЕГЭ, ну то есть там полный ажиотаж, кошмар и ужас.

Expecto Patronum

Мы с Максом живем вместе два года — с марта 19-го года. Хорошая у нас семья: у меня дети есть, он мне помогал их воспитывать. Я вообще зарабатываю на жизнь как индивидуальный предприниматель, я предоставляю услуги администратора, курирую административную работу в одном медицинском центре, а вообще я практикующий психолог: я гештальт-терапевт, и у меня частная практика. Когда-то давно я была журналистом, но с журналистикой после рождения детей я не связывалась, потому что это мне не очень помогало заработать на жизнь. Сейчас я развиваю свою частную практику.

Друзья Максима планируют уже второй аукцион в его поддержку; первый аукцион завершился 23 мая, там собрали что-то типа 38 тысяч рублей. Я сейчас просто сижу и пишу всем, кому приходит в голову с просьбой информационно поддержать или еще что-то. В первые дни после ареста были концерты, которые все предварялись сообщением о том, что происходит. По субботам у нас проходят маленькие митинги сторонников Фургала — меня туда пригласили, там был человек с плакатом «Свободу Хададу».

В Хабаровске сейчас довольно-таки жарко: все готовятся к выборам в сентябре. Я ломилась,

писала комментарии в эфирах [в инстаграме] нашим депутатам городским, но меня проигнорировали. В СМИ ничего нету, абсолютная тишина. Написал только портал *DVHab*, который активно освещает протесты, всякую политическую повестку. *SotaVision* и «Русныйос» еще ездили к Максиму на суды и об этом писали.

Из политических активистов на суд по жалобе на меру приезжал депутат краевой думы Максим Кукушкин — он раньше был членом КПРФ, но тут жуткие дразги, и его исключили. Депутатом он остался, вчера был на суде, но каких-то высказываний я пока не слышала. У него есть активисты, которые его поддерживают, и они в своем инстаграме на мою просьбу прокомментировать дело Смольникова ответили в духе «это политическое дело, куда мы катимся» и все в таком ключе.

Сестра Макса написала девушке, которая — может быть, слышала историю про то, как телеведущая на Камчатке во время записи подводки расхохоталась, когда читала суммы [выплат] — там? Та сделала репост и после этого написала: «Извини, это все, что я могу сейчас сделать, потому что я готовлюсь к выборам, и это максимум, на который я сейчас способна».

Embed Wrapper Not Realised

Embed Wrapper Not Realised

Embed Comment Not Realised

Я кидала сообщения про Макса в телеграм-чат [про политику], и там был такой ответ: «Предыдущее

сообщение удалил, потому что там речь об оправдании терроризма, ну его нахер».

Мама плачет, папа в шоке, сестра плачет, все плачут, пишут бесконечно посты в инстаграме. Нужно понимать, что это такое занятие — ты как бы каждый день делаешь пост про Максима, про Максима, про Максима; информация становится обрывочной, кто-то отписывается, потому что ты задолбал, кто-то пишет: «Тебя что, взломали?». Потому что это личный канал, где фотографии с любимой собачкой, и тут он превращается вот такое: взрыв, и все недоумевают.

Макса же арестовали в день, когда случился казанский стрелок. У нас идет обыск, и через пять часов случается эта большая трагедия. Конечно, ни в какую информационную повестку нам не удалось попасть. Поэтому я продолжаю продолжаю искать, кому еще написать, где и кому дать комментарии.

Вообще в первые дни было очень жутко от того, что есть две части людей, которые тебя окружают: одна часть говорит, нужно орать, нужно писать, нужно добиться огласки, а есть другая часть, которая говорит: тише, мыши, кот на крыше, без толку разозлите, не знаете, куда лезете, вас всех поймают и покусают. Чаще всего огласку поддерживают более молодые люди, мои ровесники, лет 30-35, а знакомые родители говорят, что нет, мы должны молчать. И вот в таком состоянии, когда ты не знаешь, что делать, это производит очень пугающее впечатление, что ты сейчас можешь совершить какие-то большие ошибки.

У меня абсолютное ощущение, что гласность, она раскрывается над людьми как защитный зонтик — знаете, как *Expecto Patronum* в Гарри Поттере? И нужно прямо постараться, чтобы хорошего патронуса вызвать.

Редактор: Дмитрий Трещанин

1. Село в восточной части края неподалеку от Татарского пролива, отделяющего материковую Россию от Сахалина.
2. Последовательная, характеризующая целостность мировосприятия.